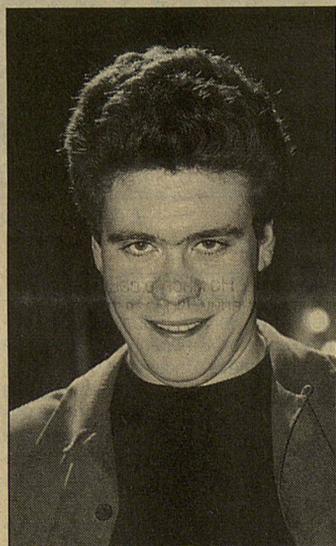

ДЕНИС МАЦУЕВ:

Мои старые записи слушать невозможно

Имя Дениса МАЦУЕВА, похоже, совсем освободилось от поясняющего комментария "победитель Конкурса Чайковского". Теперь его реноме определяется сегодняшними заслугами: пришла пора сольных концертов, авторских проектов, эксклюзивных программ. Впереди у него, помимо музицирования, — два фестиваля (в Иркутске и Москве), в которых ему придется осуществлять художественное руководство. А пока фирма BMG Russia, в 2000 году преобразовавшаяся из предательства международного лейбла в стопроцентный филиал, решила перехватить молодого перспективного музыканта, пока еще не связанного аналогичными контрактами на родине. Мацуев — первооткрыватель классической странички BMG Russia, а диск Tribute to Horowitz ("Посвящение Горовицу"), только что вышедший в свет, — первое детище нового сотрудничества. На диске Денис играет сонату "По прочтении Данте", первый Мефисто-вальс и Вторую Венгерскую рапсодию (с собственной каденцией) Листа, а также "Кармен-вариации" Бизе — Горовица, которые "снял по слуху", и Фантазию Гинзбурга на тему каватины Фигаро из "Севильского цирюльника". К выходу диска Денис приурочил и сольный концерт в Доме музыки.

Д. Мацуев

— Денис, с чего началось сотрудничество с BMG?

— Трудно сказать. Как-то мы нашли друг друга. Я рад, что мои диски будут продаваться в России — там, где я выступаю, и по цене будут доступны многим. И я счастлив, что BMG — одна из лучших в мире компаний, на которой записывались Рахманинов и Горовиц, — пригласила именно меня.

— Вы заключили контракт на запись трех дисков. Что будет на втором и третьем?

— Второй станет моя сольная пластинка: "Времена года" и до-диез-минорная соната Чайковского. А на третьем — все три концерта Чайковского. Я уже играл их в Будапеште, в Мадриде, в Америке, в Японии.

— Записываться будете в студии?

— Не знаю, может быть и "live". Я люблю работать в студии, пропадает настоящая концертная атмосфера.

— Вы сказали, что Tribute to Horowitz — ваш десятый диск. Вы не считаете те записи, которые выписали под грифом "Новых имен"?

— Я с удивительным отвращением воспринимаю это все. Это катастрофа. Я еще могу слушать то, что делал совсем недавно, и то 90 процентов выкидываю. Но слушая то, что делал, скажем, два года назад, понимаю, как это все ужасно, как это можно сделать по-новому. Хорошо, что те записи не продавались...

— Но в эфир шли, до сих пор идут на волнах радио "Орфей".

— Надо это все срочно изъять. (Смеется.)

— Много ли вы играете "снятого" по слуху?

— Конечно. Я с детства увлекался джазом, а джаз основывается на том, что ты слушаешь и воспроизводишь. Снял транскрипции Горовица — "Свадебный марш", "Пляска смерти", пока они не были изданы. Делаю и собственные транскрипции. В скором времени хочу сделать свои транскрипции на "Времена года" Чайковского в стиле Горовица — Левина.

— А откуда взялась джазовая каденция в рапсодии Листа?

— Сергей Васильевич не давал покоя со своей каденцией Второй рапсодии. У него ведь тоже есть джазовые мотивы: американский период сильно повлиял на него. Кстати, был один знаменитый случай, когда он зашел в один из джаз-клубов и услышал, как кто-то играет джазовую обработку его до-диез-минорной прелюдии, и заплакал. Я решил сделать свое.

— Вы сказали, что в работе над "Данте-сонатой" вам помог Софроницкий...

— Да. Я сейчас страшно увлекся записями Софроницкого на старых пластинках (у меня есть полное собрание). И он многому меня научил.

Послушав первый раз его исполнение "Данте-сонаты", я стал играть ее совершенно иначе. Считается, что она не слишком интеллектуальная, что там чересчур много громких эффектов и мало мысли (это, конечно, не си-минорная соната). Но я так не считаю.

— И "Божественную комедию" читали?

— А как же! Иначе невозможно! Я бы не стал никогда играть эту сонату без подготовки материала. Этому меня учили и родители, и мой профессор. Читать, смотреть... Литература, театр — все это очень важно. Мой папа всю жизнь провел в театре, я рос в театре, и он мне всегда очень помогал. В последнее время многое нашел для себя и в вокальном искусстве — в отношении фразировки, например.

— Вы еще и поете?

— Раньше пел, был даже неплохой голос. Теперь уже нет.

— Многие пианисты поют за роялем...

— Ну я подвываю немножко иногда, да. (Смеется.) Я вообще согласен с Рихтером, который говорил, что нельзя смотреть на музыканта в тот момент, когда он играет.

— Вам не раз ставили в упрек, что вы выбираете те произведения, в которых, как сказал Франц Иосиф Моцарту, "слишком много нот". И к тому же требуется "силовая" игра. Это намеренность или совпадение?

— Конечно, я играю много громкой и виртуозной музыки. Но мне легче было выражаться в ней — направить темперамент, энергию. Я люблю эту виртуозную романтическую музыку, но виртуозность — это просто средство для того, чтобы выразиться. Романтика, как я говорю, берется кровью. Так что же такого в том, что я играл много нот? Как мне сказал однажды Михаил Плетнев: "Почему-то считают, что если ты играешь быстро, значит, неглубоко." Какая гадость! Можно подумать, если кто-то кovyряет гамму до-мажор и у него ничего не получается технически, значит, в этом что-то есть!

— Есть ли, по-вашему, какая-то музыка, к которой надо приходить только с возрастом, имея за плечами некий багаж и определенное мировоззрение?

— Безусловно. Но почему я должен думать, что, мол, у меня такой возраст, что я еще не могу играть "Хаммер-клавир" или "Гольдберг-вариации"? Возможно, пока рано. Высшая точка для меня — это все концерты Бетховена за один присест. Такое предположение уже поступало от одной звукозаписывающей компании, но я отказался. Играть по отдельности, растянув все пять концертов на несколько лет вперед, я бы согласился.

— Денис, вы "Yamaha"-endorser?

— Да, и для меня это огромная честь. Это преемственность Рихтера (который также по контракту играл на роялях этой фирмы. — Т.Д.), а он для меня — недостижимая личность, до которой я никогда не доберусь. Диск для BMG я тоже записывал на "Ямахе".

— Где стоит ваша собственная "Ямаха"?

— Дома, в Москве. Есть еще один инструмент, который путешествует со мной по всему миру, процентов 70 всех концертов я играю на нем. Со мной приезжает настройщик Казуто Осато, японец, который ездил с Рихтером. Он подсказывает многие важные вещи — расположение инструмента на сцене в зависимости от зала, от твоих возможностей, от акустики, от рояля и т.д. Это все очень важно.

— Вашими делами занимается Даглас Шелдон, представитель компании Columbia Artists. Менеджер Горовица, настройщик Рихтера... Что еще досталось вам, так сказать, в наследство от великих?

— Не знаю... Очень сложно в это все поверить. Наверное, самое важное — что во мне есть сплетение трех главных исполнительских школ, и это главное наследство великих. Моя учительница в Иркутске Любовь Николаевна Семенцова — ученица Натансона, а в консерватории я учился у Наседкиной (он — ученик Нейгауза) и Доренского, который ученик Гинзбурга...

— Который ученик Гольденвейзера...

— Вот именно. Мне повезло, что я попал в классы, где сохранилась аура старых традиций. И слава Богу, что есть уже молодые ассистенты, которые эти традиции перенимают — Паша Нерсесян, Коля Луганский, который, помимо того, что замечательный пианист, обладает также уникальным педагогическим даром.

— А вы не видите в себе педагога?

— Никогда в жизни! Боже упаси.

— А вообще каковы ваши глобальные мечты?

— Да меня все время подначивают: "Ну когда уже дирижерская палочка, ну-ну, давай-давай!" Я читаю симфонические партитуры с пяти лет, знаю, что это совершенно другие возможности для музыканта. Чувствую, что в какие-то моменты мне мало уже рояля, но пока я не пойму всей ответственности, я не возьмусь за это, чтобы не повторять неудачные примеры некоторых наших знаменитых инструменталистов, которые встали за пульт.

Беседу вела

Татьяна ДАВЫДОВА

Фото Евгения БУРМИСТРОВА

Кувьтура — 800к. — до-двешоя — с-13